

Евгений ЛУКИН

ГЕРДЕР И КАРАМЗИН: ЯВЛЕНИЕ ЛИЛИИ

Феномен одного цветка в русской культуре

Поздней весной 1789 года Николай Карамзин (1766–1826) отправился в путешествие по Европе. Как сообщал двадцатидвухлетний писатель, его целью было «собрать некоторые приятные впечатления и обогатить свое воображение новыми идеями». Эти впечатления и идеи он намеревался почерпнуть из общения с именитыми европейцами, а позднее изложить их в записках под названием «Письма русского путешественника». Как известно, в Кёнигсберге молодому литератору удалось встретиться с немецким философом Иммануилом Кантом, в Цюрихе — побеседовать со швейцарским богословом и антропологом Иоганном Лафатером, а в Веймаре — навестить теолога и историка культуры Иоганна Готлиба Гердера.

Знаменательная беседа с Гердером состоялась 20 июля 1789 года. «Он встретил меня еще в сенях, и обошелся со мною так ласково, что я забыл в нем великого автора, а видел перед собою только любезного, приветливого человека», — отметил Николай Карамзин в записках. Разговор касался политического состояния России и обсуждения немецких поэтов, среди которых философ особенно выделил своего друга Иоганна Гёте. На следующий день беседа продолжилась. Писатель признался, что многое ему оказалось непонятным в таком сочинении Гердера, как «Древнейший документ человеческого рода». Учтивый хозяин пояснил, что работал над этим трудом в молодости, когда воображение «еще не давало разуму отчета в путях своих». Николай Карамзин

Евгений Валентинович Лукин родился в 1956 году. Русский писатель, историк, переводчик. Окончил исторический факультет Ленинградского педагогического института имени Герцена. Автор 35 книг поэзии и прозы. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат ряда литературных премий.

удовлетворился этим ответом и покинул мыслителя с приятным ощущением, что отныне будет с еще большим удовольствием читать произведения «глубокомысленного метафизика», вспоминая его облик и голос.

Готовя к публикации «Письма русского путешественника», писатель решил дополнить свои беседы с философом пространной выпиской из его труда, в котором, в отличие от «Древнейшего документа человеческого рода», ему было «все ясно и понятно». Речь шла о трактате Гердера «Бог: несколько диалогов», посвященном размышлениям о смерти. «Взглянем на лилию в поле, — писал философ, — она впивает в себя воздух, свет, все стихии — и соединяет их с существом своим для того, чтобы расти, накопить жизненного соку и расцвести; цветет, и потом исчезает. Всю силу, любовь и жизнь свою истощила она на то, чтобы сделаться матерью, оставить по себе образы свои и размножить свое бытие. Теперь исчезло явление лилии; она истлела в неутомимом служении Натуры». Однако далее Гердер указывал, что «лилия не погибла с сим явлением», потому что «сила корня ее существует; она вновь пробудится от зимнего сна своего и восстанет в новой весенней красоте, подле милых дочерей бытия своего, которые стали ее подругами и сестрами». В заключение философ делал оптимистический вывод, что «нет смерти в творении», где действует изящный закон Премудрости и Благости: «Все в быстрейшем течении стремится к новой силе юности и красоты — стремится, и всякую минуту превращается».

Прочитав данный отрывок, Николай Карамзин отметил, что в нем кружится «не бурно пламенное воображение юноши», но «мысль мудрого мужа, разумом освещаемая, тихо несется на легких крыльях веющего зефира — несется к храму вечной истины». Как видно, писателя в гердеровском трактате более привлекла поэтическая метафоричность, нежели абстрактная глубина мысли. Это вообще характерно для русского типа мышления: восприятие мира через возвышенный образ, через поэтическую метафору. Между тем, переводя указанный текст, Николай Карамзин допустил некоторую вольность, заменив общее понятие «цветок» (Blume), которое фигурировало в подлиннике, на конкретное слово «лилия». Тем самым переводчик придал рассуждениям Гердера несколько иное толкование.

Как известно, символика лилии имеет древнюю традицию, восходя к библейским притчам о горячих слезах прародительницы Евы, покидающей прекрасный Эдем. Этот белоснежный цветок, символизируя собой чистоту и непорочность, стал неотъемлемой эмблемой Девы Марии, а также атрибутом архангела Гавриила, который явился к Богородице накануне Успения и возвестил о Ее предстоящей победе над смертью и тлением. Кроме того, три лепестка лилии в богословской интерпретации являли собой три ипостаси Святой Троицы и выступали знаком трех добродетелей — веры, надежды, любви. Таким образом, издревле символика лилии была насыщена разнообразными библейскими коннотациями.

Между тем Гердер вкладывал в понятие цветка несколько иной смысл. Его трактат «Бог: несколько диалогов» был посвящен раскрытию пантеистических представлений, согласно которым Бог являлся не столько Творцом мира, сколько самим Миром, преисполненным действующих сил по законам мировой души. На примере цветка Гердер демонстрировал обретение бессмертия естественным, а не метафизическим путем, предлагая рассматривать его природные превращения в качестве метафоры развития не только органических, но и социальных, исторических, художественных явлений. В своем фундаментальном труде «Идеи к философии истории человечества» принцип аналогии с природой он сделал всеобъемлющим: не только отдельный человек, но и целые народы расцветают и отцветают, подобно прекрасным растениям. «Весь жизненный путь человека, — заключал философ, — это рассказы о его превращениях, так что весь род человеческий погружен в одну непрекращающуюся метаморфозу.

Цветы опадают, вянут, но другие растут и завязывают бутоны, — и дерево невиданных размеров сразу все времена года несет на своем челе».

Таким образом, Николай Карамзин, осуществив указанную словесную замену, некоторым образом исказил главную мысль немецкого философа, придав ей более поэтический и религиозный оттенок, нежели это было в оригинальном изложении. Это искажение, очевидно, было продиктовано нежными чувствами к цветку, которому молодой литератор посвятил трогательное стихотворение «Лилея»:

Я вижу там лилею.
Ах! как она бела,
Прекрасна и мила!
Душа моя пленилась ею.
Хочу ее сорвать,
Держать в руках и целовать;
Хочу — но рок меня с лилеей разлучает:
Ах! бездна между нас зияет!

Скорее всего, поэтизируя гердеровскую мысль, Николай Карамзин руководствовался установкой самого немецкого философа, который в своем сочинении «Древнейший документ человеческого рода» провозгласил принцип верховенства поэтического воображения над рационалистическим мышлением при занятиях экзегетикой. К тому же многие страницы его фундаментального труда «Идеи к философии истории человечества» были пронизаны возвышенными образами и метафорами, что свидетельствовало о романтической натуре автора.

Действительно, Иоганн Гердер был блестящим поэтом и переводчиком, который сделал достоянием немецкой культуры лучшие образцы древнегреческой, древнееврейской, древнеперсидской и староиспанской поэзии. Особой популярностью пользовались его оригинальные лирические «Парамифии», насыщенные аллегориями и дидактическими наставлениями. Быть может, они также повлияли на поэтический выбор Николая Карамзина, которому была хорошо известна цветочная парамифия Гердера, где непорочная лилия сравнивалась с расхристанной розой:

Лилия невинности с розою любви,
Рядом, будто две сестрицы, оказались вы,
Но меж вами — пропасть!
Лилия, сама ты составляешь свой венок,
Не тая за листьями голый стебелек,
Но стоишь твердыней!
Ты же, роза, кровь Амура вдоволь попила,
Грудь твою исцеловали за стрелой стрела,
Но грозишь шипами!

Перевод автора

Как бы то ни было, но явление лилии, впервые зафиксированное в записках Николая Карамзина, обрело дальнейшую жизнь на российской культурной ниве. В частности, к нему обратился поэт Константин Батюшков при создании стихотворного цикла «Подражание древним». Как известно, непосредственным источником указанного цикла стали стихи из восточных и греческих антологий Иоганна Гердера, и только одна из шести пьес цикла не содержала подобной отсылки к текстам немецкого философа. В этой оригинальной пьесе речь шла о смерти, а точнее — о смерти отроковицы, для

натуралистического описания которой поэт воспользовался образом лилии, очевидно почерпнутым из записок Карамзина:

Когда в страдании девица отойдет
И труп синеющий остынет, —
Напрасно на него любовь и амвру льет
И облаком цветов окинет.
Бледна, как лилия в лазури васильков,
Как восковое изваянье;
Нет радости в цветах для вянущих перстов,
И суетно благоуханье.

Известный литературовед Юлиан Оксман в упомянутых «Письмах русского путешественника» также находил ключ к раскрытию замысла пушкинского стихотворения «Роза». Он считал, что Александр Пушкин через «любимого наперсника муз», каким представлялся ему тогда Карамзин, на мгновение соприкоснулся с теодицеей Гердера, и постулат ее оптимизма — отрицание небытия — утвердил в своей миниатюре. «Неожиданный философский смысл, — писал он, — смело сообщенный Гердером эмблематическому значению лилии, в этом крайне индивидуальном толковании ее и был воспринят в 1815 году молодым поэтом». Между тем шестнадцатилетний лицеист на самом деле создал гениальное стихотворение, в котором отразил весь спектр толкований оппозиции «роза — лилия».

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.

Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!

Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

Спустя столетие Велимир Хлебников в своем трактате «О современной поэзии» неожиданно вспомнил о явлении лилии: «В творчестве Толстого, Пушкина, Достоевского слово-развитие, бывшее цветком у Карамзина, приносит уже тучные плоды смысла... На каком-то незримом дереве слова зацвели, прыгая в небо, как почки, следуя весенней силе, рассеивая себя во все стороны, и в этом творчество и хмель молодых течений». Поэт увидел в ярком неповторимом творчестве футуристов и «заумников» расцвет «самовитого слова», исполненного новых смыслов.

Ключевая гердеровская идея расцвела и на почве русской философии. Об этом свидетельствует как учение Николая Данилевского о культурно-исторических типах, изложенное в фундаментальном труде «Россия и Европа», так и постулат о «цветущей сложности», высказанный мыслителем Константином Леонтьевым в блистательном трактате «Византизм и славянство». Как представляется, явление лилии оказалось плодотворным для всей русской культуры.